

Нина Сеницына

**ДОЛГО БУНТОВАТЬ
БУДЕМ**

Свободная поэзия и проза

Нина Андреевна Сеницына
Долго бунтовать будем.
Свободная поэзия и проза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24390468

ISBN 9785448529092

Аннотация

«Долго бунтовать будем» – поэзия и проза. Яркие образы, искренние эмоции, околофилософские мысли, много вопросов в души равнодушных читателей.

Содержание

Долго бунтовать будем	5
Сердце	6
Была бы Фрида со мной	7
Рассвет скоротечен	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Долго бунтовать будем Свободная поэзия и проза

Нина Андреевна Сеницына

Дизайнер обложки Нина Андреевна Сеницына

© Нина Андреевна Сеницына, 2017

© Нина Андреевна Сеницына, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-2909-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Долго бунтовать будем

Смоется дождем
самое крепкое самое терпкое вино крови
в зернах граната
будем бунтовать в караванах
смеясь до коллик
и одним словом возводя взгляды в разноцветный
звездопад
туманная дымка ночи вырвет прогорклый вздох
оттого что здесь никогда не была тем, кем мечтаю быть
и никогда здесь не буду
но караван движется плавно
перетекает ногами огромных гусениц
с поклажами на дробных спинах
лошадьми с ошарашенными зрачками
бегущими ко мне от меня
долго бунтовать будем
выпивая небеса целиком
небеса которые лишь являются зеркальным отражением
нашей падшей земли
где мы одинокие звезды

Сердце

Призрак Гоголя самозабвенно чертей погоняет красть
черевички
на крыше сидит хмельной Модильяни
тычет в небо потухшими спичками
с завязанным ртом поет мое сердце себя не жалея себя
вынимая
люди боялись казаться слабее
безропотно суть свою истребляли
призрак Гоголя царапает землю
плачет надрывно над мелочным вздохом
с крыши падает вниз Модильяни
рассыпав все спички в подарок прохожим
с завязанным ртом молчит мое сердце
в панцирь закрывшись замуравившись
так мы захотели так мы предрешили
возрадуйтесь люди над пыткой вчерашней!

Была бы Фрида со мной

Была бы Фрида со мной
научила бы боль терпеть
разукрасила б красной рукой
стены у каждой дверей
выпивали бы с ней вино
окисляясь черной халвой
заплели бы цветы в волосах
небывалой мертвой петлей
танцевали б на костылях
запинаясь падая ввысь
распевали бы гимны в траве
о тех кто грунтует мир
исчезали бы солнцем бесцветным
о любви забывая надменно
разрезали бы вены сердца
ножницами двойного рожденья

Рассвет скоротечен

Знаешь, папа, я все еще та девочка, которая держит тебя за руку и вдыхает утренний воздух перед спуском вниз, к детскому саду.

Тогда мы обзревали город, но когда я была в Чите позже, папа, то ли застройка, то ли воспоминания подвели, лишь ближайший район относительно виднелся при спуске с холма.

Каждое утро мы останавливались перед походом в детский сад, потому что ты хромал. Мы втроем: ты, я и тросточка отдыхали две минуты и шли дальше. И при каждой такой остановке во мне боролись две неосознанные мысли. Несформированные, бессловесные ощущения.

Одновременно. Грусть за твою боль в ноге и твою усталость.

И странно манящее чувство при взгляде на далекие дома впереди. Мысли переносились в будущее, и я каким-то образом радовалась, что у меня все где – то там, жизнь на горизонте. Свежее, успокаивающее уютное понимание, что еще так много всего интересного дальше. И жить долго. И я защищена с нашими соединенными руками.

Папа, будущее давно наступило. И я чувствую себя старушкой, а другим мои слова – детский сад, ибо ну что я там могла видеть и испытать. Но было же. С лихвой. И вот мне

будто 60. Глупой Нине.

И города были, папа, и самолеты, поезда. Разноговорящие люди. Великие памятники, концертики в небольших клубах. Предательства, близкая дружба, смерти, свет. Любовь, изобилие, паника, страшные внезапности. Банальная рутина и яркие взрывы.

Тут так заведено, папа: никаких лишних всполхов, нужен скоростной режим. И никому никогда не жаловаться, все успевать. Горбатиться, учиться, жениться. Белка в колесе – это еще самый комфорт, папа.

И хорошо, когда есть развлечения помимо и деньги на лишнее.

И все хорошо, папа, все как надо, намного больше ответственности, и мне нравится её нести, проза жизни, папа. Все уместно, папа. Все правильно в этой окружающей жестокости и этом равнодушии, человек ко всему привыкает, папа. И усталость хуже галстука душит, но кому я рассказываю, папа, тут все такие, других и не сыщешь. И даже не было никогда тех трудностей, которые испытывал ты в годы войны, моя жизнь в сравнении – сплошная изнеженность.

Только вот абсолютно никто не знает, что я все еще та девочка, которая держит тебя за руку. И смотрит на лежащий внизу просыпающийся город с легкой грустью и легкой радостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.